

УДК 398.87.(470.47)

ББК 83.3 (235.7)

**ОБРАЗ МАТЕРИ В КАЛМЫЦКОМ ФОЛЬКЛОРЕ:
К ПРОБЛЕМЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО И СПЕЦИФИЧЕСКОГО
(на материале фольклорных текстов)**

Б. Б. Дякиева, Э. У. Омакаева

Характерной чертой современной гуманитарной науки является поиск ответа на основные вопросы человеческого бытия, «семантических универсалий», «ключевых слов», смысловых и общекультурных доминант в тексте и т. д. В этом ряду особое место занимают фольклорные концепты, в том числе гендерные, которые прекрасно вписываются в междисциплинарную научную парадигму, характеризующуюся наблюдаемым сегодня интегрированием смежных дисциплин.

Задачей гендерных исследований является выявление разницы в статусе, образе жизни мужчин и женщин, анализ феномена власти, утверждаемой в социуме через гендерные роли и отношения. Теория гендера позволяет по-новому интерпретировать и фольклорные произведения, где по-особому воплощаются мужской и женский взгляды на мир (гендерная картина мира), на взаимоотношения полов, а также осветить проблему материнства, которая приобретает сегодня особую значимость и новые грани в связи с развитием гендерологии.

Представления о материнстве отражены в различных жанрах калмыцкого фольклора. Эпические, сказочные, песенные мотивы отражают существовавшие «материнские» традиции. Познавательный и воспитательный потенциал фольклорного моделирования образа матери очевиден. В ходе исполнения или слушания песен, знакомства с пословицами человек полностью погружается в те или иные жизненные ситуации, перед ним встает целый ряд нравственных проблем, с которыми сталкиваются герои. Человек учится делать правильный выбор, учится поступать по совести. Таким образом, с помощью фольклора человек постигает мир во всем многообразии и сложности, что очень важно для его вхождения во взрослую жизнь, для социализации.

Фольклор и в узком смысле, понимаемом как устное вербальное искусство со своей особой жанровой характеристикой,

фондом сюжетов, тем, мотивов и формул, персонажной системой, набором изобразительно-выразительных средств, и в широком (как вся традиционная народная культура во всем многообразии ее форм и способов выражения) неизбежно оказывается в поле пересечения научных интересов различных сфер современного гуманитарного знания, представляя собой закодированную в устойчивых образах и символах родовую коллективную память народа. Научиться расшифровывать этот код — задача не из легких.

Фольклорный текст отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира. Текст рассматривается как многомерное концептуальное пространство, которое определяется как устойчивая совокупность некоторых концептов.

«Концепт» является одним из терминов, широко используемым в современной гуманитарной науке, но он, к сожалению, не имеет сегодня однозначного терминологического статуса. Исследователи особо подчеркивают такие его черты, как общекультурная значимость и ментальная природа. В «Кратком словаре когнитивных терминов» находим следующее определение: «Концепт — это оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова и др. 1997: 90].

Вполне понятно, что круг базовых концептов, определяющих ту или иную этническую культуру, вероятно, может быть очерчен лишь приблизительно, принимая во внимание тот факт, что восприятие их представителями собственной и чужой культуры, естественно, оказывается различным, ибо концепты «обязательно этноспецифичны» [Вежбицкая 2001: 263]. Именно фольклор, вбирая коллективный духовный опыт, сохраняя память народа, содержит в себе многообразный спектр смыслов, ассоциа-

ций и представлений, носящих устойчивый, повторяющийся характер.

Конечно, основной научной сферой изучения концепта в настоящее время является лингвистика, для которой принципиальной является идея вербальной выраженности концепта [Лихачев 1997: 5]. Для определения сущности концепта имеет смысл обратиться к трактовкам этого явления в современном научном дискурсе.

Само слово «концепт», как известно, в переводе с латинского (*conceptus*) означает «понятие», поэтому связь концепта и понятия очевидна, но каково их соотношение? Исследователи по-разному отвечают на этот довольно сложный вопрос. Одни отдают приоритет понятию, считая концепт его содержанием и, по сути, отождествляя их [Абушенко, Кацук 2003]. Поэтому оба слова часто выступают в литературе как синонимы. Другие же говорят о неправомерности отождествления концепта с понятием, видя отличие в том, что первый субъективен и соотносится с дискурсом, речью, а понятие объективно и связано с языком [Неретина 1999: 30].

Действительно, не является ли понятие, равно как и образ, символ, содержанием концепта, т. е. не является ли концепт более широким, родовым, явлением? Вслед за Ю. С. Степановым, мы считаем концепт более объемной, многомерной мыслительной единицей по сравнению с понятием [Степанов 2001: 43]. Концепт существует в сознании человека в виде представлений, понятий, ассоциаций, знаний, переживаний в их совокупности, поэтому не может считаться явлением того же порядка, что и понятие. Понятие входит в структуру концепта, являясь одним из основных его ядерных компонентов.

Все свойства общекультурных концептов присущи и фольклорным концептам, но приобретают в них эстетическую функцию, поэтому изучение таких концептов предполагает выявление прежде всего их художественной природы.

Концепт в фольклоре, как и в литературе, всегда реализован в образах, но обратное не верно: не всякий образ участвует в создании концепта (образ может быть единичным). В концепте, в отличие от образа, доминирующим оказывается именно инвариантный смысл, который получает в каждом конкретном случае индивидуальную творческую реализацию.

Изучение фольклорной концептосферы, в частности песенной и пословичной, с целью выявления в ней тех или иных концептов — важнейшая задача современной фольклористики. Среди фольклорных концептов значительное место занимают «персонажные». В фольклорной «персональной» традиционно являющийся одним из ключевых концептов матери интересен прежде всего с точки зрения образности и аксиологии, поскольку именно образная и ценностная составляющие представляют идиотническую специфику, а понятийная составляющая носит универсальный, общечеловеческий характер.

Модель мира воссоздается в различных образах, реконструирующих мир человеческих отношений. Образ — понятие сложное и многогранное. Он, на наш взгляд, как средоточие ведущих мотивов произведения раскрывает его тему. Образ матери выступает как проявление темы материнства, так называемой «вечной темы». Он передавался от поколения к поколению и сохранялся в основных своих чертах неизменным.

Образ матери является национальным и культурным символом, не утратившим и сегодня своего значения. Тем не менее он, несмотря на свою очевидную значимость, остается по существу малоисследованным в калмыцкой фольклористике. Это обстоятельство дало нам повод обратиться к теме, связанной с гендером, традиционным воспитанием детей в калмыцких семьях в целом и ролью матери в воспитании ребенка в частности [см. например: Небольсин 1852; Львовский 1898; Бурдуков 1936; Эрднеев 1970; Шалхаков 1982; Оконов 1980; Бакаева, Гучинова 1992; Омакаева 1998; 2010; Алексеева 2000; Батмаев 2009; Шараева 2011 и др.], и осветить те ее грани, которые до сих пор оставались в тени.

Уважение к матери в калмыцком обществе основано на ее скромности, целомудрии, терпении и трудолюбии, преданности семье. Использование наименования родства, например *ээж/эк* [Омакаева 2009], позволяет говорить о реализации в данном контексте соответствующего концепта матери и смежного гендерного концепта «женщина», а также суперконцепта «семья».

Анализ песенных и пословичных текстов показывает, что семья у калмыков традиционно играла важную роль в трансляции этнокультурного наследия, в нравственном и трудовом воспитании детей. И

главное участие в этом процессе принимала женщина-мать, хранительница домашнего очага, имевшая очень широкий круг обязанностей. К примеру, ей приходилось обшивать всех членов своей семьи, заниматься обработкой шкур, приготовлением пищи, заготовкой различных продуктов и т. п. Надо заметить, что калмыцкие женщины всегда отличались исключительным трудолюбием и старались привить любовь к труду своим детям.

Вся повседневная жизнь женщины была сосредоточена на детях. С раннего возраста детей приучали к ведению домашнего хозяйства и трудностям кочевого образа жизни. Конечно, большое внимание мать уделяла воспитанию дочери, ведь она будущая жена и мать. Об особых отношениях матери и дочери говорит калмыцкая поговорка *Күүкн үрн — экин кеермжэ, көвүн үрн — экин кеермжэ* 'Дочь — украшение матери, сын — украшение отца'.

Образ матери — своеобразный нравственный ориентир для понимания общемировоззренческих вопросов, чувств и переживаний героев эпоса, народных песен. В нем заложено представление о здоровой духовной жизни, которой нам так не хватает сегодня. Данный образ воплощает в себе разные аспекты материнства.

Где мать — там жизнь, радость, свет. Мать — символ добра, она защищает и оберегает. Особая теплота и нежность чувствуется в калмыцких песнях, выражающих материнское отношение женщины-калмычки к своим детям и любовь и уважение сына. В качестве примера приведем текст калмыцкой песни «Ээжин дун», в которой образ матери создается с помощью разных выразительных средств, например эпитетов: *килмжэстэ* 'заботливая', *буйнта* 'добродетельная', *нарн болсн* 'ставшая солнцем' (уподобление образа матери солнцу встречается и у других народов [Габышев 1999]):

*Киитн булгин уснднь
Киилгэн уһаһад суулав.
Киилгэн уһаһад суув чигн,
Килмжэстэ ээжм сангдна.*

*Һашун худгин уснасьн
Һарихэн уһаһад суулав.
Һарихэн уһаһад суув чигн,
Һарлдсн ээжм сангдна.*

*Нарн һарх үзгэс
Намчта торһн кииснэ.*

*Нарн болсн ээжмнь
Насна туршар сангдна.*

*Буруһан хэлэсн эрг деернь
Бурһсн моднь нэхлнэ.
Бурһсн моднь нэхлв чигн,
Буйнта ээжм сангдна*

[Сто калмыцких народных песен 1990: 51].

Материал фиксирует тесную связь концептов «мать» и «дитя». Взаимосвязь данных концептов в калмыцком сознании наиболее ярко и точно проявилась в известной поговорке:

Экин седкл — үрнд 'Помыслы матери — о детях,
Үрнэ седкл — көдэд. Помыслы детей — в степи'
[Оконов 1973: 53].

Следует заметить, что имя концепта может отсутствовать в конкретном тексте, однако сам концепт в нем реализуется. Искреннюю заботу матери, ее любовь к своим детям подчеркивают калмыцкие поговорки, в которых используются зооморфные или орнитоморфные образы:

Гүн догшин болвчн, 'Как ни свирепа кобыла,
Уһнан ишклдэ уга. Она не топчет своего
жеребенка.'

Хун догшин болвчн, 'Как ни свирепа лебедь,
Өндгэн хамхлдэ уга. Она не крушит своих яиц'
[Оконов 1973: 53].

Материнское начало, понимаемое нами как комплекс мотивов, образов, тем и проблем, связанных с материнством, выступает аксиологической доминантой в калмыцком фольклоре. Дядя по матери (*наһицх*) для племянников считался самым близким родственником, дорогим и уважаемым. И этот факт народ отразил в поговорках:

*Усна эки булг,
Күүнэ эки — наһицхр.*
Начало воды — родник,
Начало человеческого рода
— родственники по матери'
[Оконов 1973: 53].

*Эцкин төрлд — зогсад һар,
экин төрлд — сууһад һар.*
У родных отца — постой,
У родных матери — посиди'
[Оконов 1973: 53].

Элгэс — экин элгн.
'Из всех родственников —
родственники по матери'

*Зесин сэн зеврдо,
'Хорошая медь не ржавеет'
Зе наһицх хойр мартгдиго.*

‘Племянник и дядя
(по матери) не забываются’

[Оконов 1973: 46].

Фольклорный концепт матери, совпадая с калмыцким общекультурным концептом «ээж/эк» в своей понятийной части, отличается от него образной и аксиологической составляющими. С данным концептом матери связана разветвленная система ассоциаций и коннотаций, которые у концепта общекультурного отсутствуют.

В фольклорном образе женщины-матери есть скрытый глубинный смысл, который далеко не очевиден на первый взгляд. Вспомним хрестоматийный пример из эпического репертуара Ээлян Овла: в «Главе о поединке великого богдо Джангара с ясновидцем Алтан-Чэджи» по просьбе любимого сына Хонгора его мать Зандан-Герел исцелила раненного стрелой Джангара, трижды перешагнув через него. Считается, что если этот ритуал совершает высоко нравственная женщина (*эрун шагшавдта*), стрела должна выпасть из раны. Но стрела не полностью выпала (наконечник остался в ране), и мать Хонгора находит причину: когда-то она невольно бросила взгляд на животных во время случки. И тогда *Присела на колени Герел, / И обе ладони вместе свела, / И выпала из раны стрела* [Джангар 1990: 204].

Этот эпизод показывает, что целый комплекс различных мотивов преломлен через образ матери, с одной стороны, земной, которому не чужды некоторые человеческие слабости, с другой — возвышенный и целомудренный.

Целомудренность в народном сознании — это мера целостности родового коллектива, символ чистоты природы. В этом обряде, определяющем высокий сакральный статус матери, проявляются ее целительные, обережные и порождающие, животворительные функции.

Образ матери богатыря Хонгора, в котором тесно переплелись эпические и мифологические мотивы, наглядно свидетельствует о том, что его истоки восходят к архаическому образу богини-матери, прародительницы и покровительницы рода. Поклонение женскому, материнскому началу выражается у монголоязычных народов в обычае почитания дуплистых деревьев, скальных ниш и пещер [Неклюдов 2007: 150].

Очевидным для нашего исследования стал тот факт, что концепт матери функци-

онирует в тесной взаимосвязи с другими концептами. В результате анализа концептуального пространства калмыцких песен и пословиц актуальными оказались концепты «ребенок», «дядя по матери», «семья». Проанализированный фактический материал свидетельствует о прочной ассоциативной связи концептов «мать» и «семья». Взаимосвязь данных концептов друг с другом и соотнесенность каждого из них с темой материнства позволяют концептам пересекаться и взаимно координироваться.

Результаты анализа контекстов, репрезентирующих изучаемые концепты, свидетельствуют об этнокультурной специфике образа матери. Например, «мать», с одной стороны, является универсальным концептом, с точки зрения основных признаков данного понятия; с другой стороны, материал свидетельствует о наличии специфики в интерпретационном поле данного концепта. Исследование концептов в их взаимосвязи, во взаимодействии позволяет выявить этнокультурную специфику в их соотношении. Этнокультурная специфика концептов проявляется не столько в предметной соотнесенности, сколько в коннотативном плане.

В одном ряду с концептом можно рассматривать еще два смежных понятия — универсалии и стереотипы, которые образуют вместе с ним своего рода триаду. Исследование заявленной проблематики невозможно без стереотипных, устойчивых представлений о позитивном и негативном. Стереотипы складываются из устойчивых представлений, восходящих к религиозным заповедям, фольклорным представлениям и этническому опыту. В то же время стереотипы имеют свойство меняться с ходом времени. Не в последнюю очередь это относится к гендерным стереотипам.

В образе матери заключен большой потенциал для нравственного, трудового, умственного развития подрастающего поколения. Все стороны повседневных контактов матери и детей не только так или иначе связаны с жизнью калмыцкой женщины, но и являются одной из главных ее составляющих. Эти взаимоотношения неразрывно соединены, с одной стороны, с брачно-семейной сферой, а с другой — с общественными идеалами, интересами, ограничениями, социальной структурой в целом.

Таким образом, материнство рассматривается нами не только с позиций реализации биологической функции женщи-

ны и института родительства посредством обеспечения по возможности комфортных условий жизни ребенка, его воспитания и социализации, но и как магиго-ритуальная функция женщины-матери, как важнейший этап ее личностной, нравственной эволюции.

Литература

- Абушенко В. Л., Кацук Н. Л.* Концепт // Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Минск: Книжный Дом, 2003. С. 503.
- Алексеева П. Э.* О роли женщины-матери в семье // Теегин герл. 2000. № 4. С. 116–119.
- Бакаева Э. П., Гучинова Э.-Б. М.* Магия в обрядах родинного ритуала калмыков // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. С. 89–99.
- Батмаев М. М.* Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. 256 с.
- Бурдуков А. В.* Этюды по этнографии калмыков. Связь некоторых этнографических особенностей с речетворческой ролью женщины // Советская этнография. 1936, № 2. С. 122–124.
- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
- Габьшиев Е. С.* Культ Солнца в мифологии якутов (проблема древних этнокультурных параллелей): автореф. дис. ... канд. фил. наук. СПб., 1999. 22 с.
- Джангар.* Калмыцкий народный эпос. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 310 с.; илл.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М: Фил. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
- Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Академия, 1997. С. 280–287.
- Львовский Н. В.* (Мефодий). Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии и калмыцкие хурулы. Изд. 2-е. Ставрополь, 1898. 172 с.
- Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 192 с.
- Неклюдов С. Ю.* Каменный человек в пещере // Монгол судлалын чуулган. VII боть, 2 (38). Улаанбаатар, 2007. Х. 149–156.
- Неретина С. С.* Тропы и концепты. М.: ИФ РАН, 1999. 277 с.
- Оконов Б. Б.* Об идейно-тематическом содержании калмыцких пословиц и поговорок // Филологические вестн. Вып. 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 37–61.
- Оконов Б. Б.* Калмыцкие народные пословицы и поговорки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 143 с.
- Омакаева Э. У.* Магия и астрология в калмыцких обычаях и обрядах, связанных с рождением ребенка и первым годом его жизни // ALTAICA II. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. С. 101–111.
- Омакаева Э. У.* Термины родства *aav* и *ээж* в монгольских и калмыцких пословицах // VIII конгресс этнографов и антропологов России (г. Оренбург, 1–5 июля 2009 г.). Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2009. С. 536–537.
- Омакаева Э. У.* Родинный обряд и ритуалы детского цикла // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 229–249.
- Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 590 с.
- Сто калмыцких народных песен /* сост. Л. И. Цеби-ков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.
- Шалхаков Д. Д.* Семья и брак у калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 86 с.
- Шараева Т. И.* Обряды жизненного цикла калмыков (XIX — нач. XX вв.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 223 с.
- Эрдниев У. Э.* Калмыки (конец XIX — начало XX вв.). Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 311 с.